

Русская литература

№ 3

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

1965

Год издания восьмой

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Ф. Евнин. Об одной историко-литературной легенде (повесть Достоевского «Двойник»)	3
Э. Шубин. Жанр рассказа в литературном процессе	27
Р. Иезуитова. Поэзия русского классицизма	53
Н. Монахов. Концепция «свободного искусства» в эстетике раннего Маяковского	75
И. Смирнов. Поэма «Маяковский начинается» (об эволюции поэтического стиля Н. Асеева)	90
С. Бобров. Теснота стихового ряда (опыт статистического анализа литературоведческого понятия, введенного Ю. Н. Тыняновым)	109

ТЕКСТОЛОГИЯ И АТРИБУЦИЯ

Б. Бухштаб. О природе текстологии и проблеме выбора основного текста	125
А. Гришунин. К спорам о текстологии	134
Е. Прохоров. Предмет, метод и объем текстологии как науки	147
Д. Лихачев. Ответ Б. Я. Бухштабу и Е. И. Прохорову	156

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

О. Белоброва. Кипр в древнерусской литературе	163
Ю. Стеник. Стихотворение А. С. Пушкина «Мордвинову» (к истории создания)	172
А. Илюшин. Смоленский и воронежский списки поэмы Пушкина «Братья разбойники»	181
В. Вацуро. «Ирландские мелодии» Томаса Мура в творчестве Лермонтова	184
Б. Бессонов. Новые автографы русских писателей	193
А. Никитина. М. Ф. Лаговский — поэт-народоволец	208

(См. на обороте)

В. Смиренский. К истории пятниц К. К. Случевского	216
Н. Желтова. В. В. Стасов о Горьком	226
Л. Бельская. Ранний Есенин и Кольцов	234
В. Коржан. Народная песня и некоторые особенности ранней лирики Сергея Есенина	242
Р. Порман. Два письма Н. Н. Асеева	251

ЗАМЕТКИ, УТОЧНЕНИЯ

В. Розенблат. К пересмотру некоторых литературных ценностей (об отношении к роману Достоевского «Бесы»)	253
А. Наркевич. Однофамильцы	255
В. Ковалев. О литературных «тезках» и творческой фантазии в жанре интервью	255

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н. Пруцков. Что же такое дилетантизм?	257
А. Бушмин. Ученый и его труды	273
В. Базанов. Финляндская литература и Россия	277
Н. Соколов. О народничестве в литературе	280
Ю. Курсков. Исследование о жизни писателя-труженика	284
О. Костылев. Книга о творчестве Горького советской эпохи	285
П. Выходцев. Чешские литераторы о современной советской поэзии	289
ХРОНИКА	294

Редакционная коллегия:

В. Г. БАЗАНОВ (главный редактор), А. С. БУШМИН,
Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ, В. А. КОВАЛЕВ, К. Д. МУРАТОВА, Ф. Я. ПРИЙМА,
В. В. ТИМОФЕЕВА

Отв. секретарь редакции М. Д. Кондратьев

Адрес редакции: Ленинград, В-164, наб. Макарова, д. 4. Тел. А 2-42-24

Журнал выходит 4 раза в год

ТЕСНОТА СТИХОВОГО РЯДА

(ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ, ВВЕДЕННОГО Ю. Н. ТЫНЯНОВЫМ)

1

Всякий литературовед должен в наше время понять и признать достоинства и благоденствия статистического метода. Наука нашего времени это в первую голову — *опытная* и *индуктивная* наука.

Математика — и на этом надо настаивать всерьез! — ничем в этом отношении от других наук не отличается, ибо великие воистину прогрессивные труды Н. И. Лобачевского доказали всему мыслящему миру с полной точностью, что и математические истины имеют *опытное* происхождение. Это не шутка, не метафора, не юбилейные комплименты, а самая настоящая, неподдельная действительность. Именно не кто иной, как Лобачевский, нанес кантианству смертельный удар, перевернув древнюю точку зрения и уничтожив в сознании человечества целый ряд тысячелетних предрассудков. Современный культурный человек не имеет права не знать этого или проходить мимо этого значительнейшего факта в истории человеческой цивилизованной мысли, великого русского вклада в философию века.

Именно в силу того, что основа и существо математики есть не что иное, как *опыт*, математика и является незаменимым подспорьем во всех тех случаях, когда незавершенное, но по наглядности очевидное логическое суждение требует скрупулезного анализа. Недаром многие крупные математики признавались, что нередко *догадаться* легче, чем *доказать*. Но такие методы, как система приемов математической статистики, являются уже готовым аппаратом для подобных доказательных проверок — и мы предлагаем читателю небольшой опыт со статистической проверкой одного чисто интуитивного (основанного на тонкой наблюдательности) утверждения. А вместе с тем это будет краткое изложение корреляционного анализа на очень простом примере. Все мы нуждаемся в расширении нашего исследовательского инструментария, и здесь читателю предоставляется для этого доступный и интересный случай.¹

Статистический метод (вместе с его систематическим развитием в математической статистике и теории вероятностей) является могучим орудием исследовательского типа, а сверх того еще и превосходным инструментом для истинной (опытной) проверки тех общих выводов, которые обычно талантливые литературоведы делают на словах, пользуясь рядом своих непосредственных наблюдений над изучаемыми текстами. Статистический метод может внести в эти по необходимости формируемые образным языком чисто качественные выводы и наблюдения оттенок подлинной конкретности. Поставить, так сказать, «подпись и печать» Пробириной Палатки, в том, что данное заключение есть не только *мнение* или

¹ Многие из нас, работников гуманитарных наук, нередко забывают свой бесценный опыт подростка и упускают из виду, какой великолепный логический дисциплинарный пример представляет собой математика.

суждение некоторого талантливого, наблюдательного и начитанного человека, но и настоящий факт, научно проверенный и обоснованный. И указать, что этот факт обязывает нас к определенным выводам в дальнейшем, поясняя с большой точностью настоящее происхождение наблюдений и очерчивая границы возможных допущений (гипотез) в этом направлении.

Ю. Н. Тынянов в своей интереснейшей книжке «Проблема стихотворного языка» (Л., 1924) неоднократно говорит о «тесноте» стихотворной строки, рассуждая о ритме и синтаксисе стиха и сообщая читателю свои наблюдения по этому поводу. Этой теснотой стихового ряда Тынянов объяснял некоторые особенности стихотворного синтаксиса, которые до него подлинного объяснения не имели. В стихе слова как бы *теснят* друг друга (в конце прошлого века любители поэзии не упускали случая заметить, что «поэзия — это краткость»), и это обстоятельство накладывает свой особый отпечаток на поэтический язык.²

Стихoved-статистик, знакомясь с этим странным, на первый взгляд, замечанием Тынянова, ранее всего хочет узнать — значит ли это что-нибудь определенное, а если да, то что именно? Каким образом это на вид неуместное для поэтического творения понятие тесноты может нам помочь в обсуждении вопросов поэтического языка?

Попробуем проверить и рассмотреть указанное Тыняновым явление «тесных связей» на примере русского трехстопного анапеста (размера, удобного для наших целей в том отношении, что стопы в нем не позволяют замен, как это бывает в ямбе или хорее — по крайней мере в том «классическом» периоде, откуда мы будем черпать наши примеры).

Данный размер стиха ранее всего позволяет стихотворцу пользоваться словами только вполне определенной длины (числа слогов), в силу чего первейшим дарованием стихотворца является интуитивное чувство *самоограничения* в выборе слов, поскольку он не может пользоваться всеми словами современного ему словаря художественной прозы. Мало этого, надо еще выбрать те слова, которые имеют *удобно* помещенное для целей стиха ударение.

Строка трехстопного анапеста с мужским (для определенности) краевым ударением имеет, как известно, следующую несложную схему:

○ ○ — ○ ○ — ○ ○ —

Это — *основная* схема трехстопного анапеста русского. Разумеется, на практике, т. е. в живом стихотворении, она может видоизменяться, преимущественно вследствие того, что в нее входят еще ритмические *полуударения* (*замедления* — по терминологии Белого), когда неударный

² Конечно, излагать концепцию Тынянова отнюдь не просто. Вот одно из сравнительно прозрачных его пояснений: «Что получится, если мы vers libre напишем прозой? (В допущении, что «стиховые членения» не совпадают с синтаксическими. — С. Б.)... Таким образом, мы разрушаем единство стихового ряда; вместе с единством рушится, однако, и другой признак — те тесные связи, в которые стиховое единство приводит объединенные в нем слова, — рушится теснота стихового ряда. А объективным признаком стихового ритма и являются именно единство и теснота ряда... понятие тесноты уже предполагает наличие понятия единства; но и единство находится в зависимости от тесноты рядов речевого материала... Единый и тесный речевой ряд здесь более объединен и более стеснен, чем в разговорной речи» (стр. 39—40). Обращаем внимание читателя особенно на указание о «тесных связях» — мы полагаем, что это — *связи ритмические по существу*. Некоторые соображения Тынянова высказаны крайне туманно; иногда представляется, что автор переоценивает типографскую графику стиха, которая, по его мнению, как бы должна «внушать» читателю, что перед ним отнюдь не проза... Статистически, однако, в первых, вполне возможно строго доказать, что сам стих — каждый в отдельности — есть ритмически целостное единство, а во-вторых, это представляет для читателя интуитивно-бесспорный факт, для констатации которого ему никаких внушений не требуется (ср. наше сообщение в журнале «Теория вероятностей и ее приложения», 1964, № 2, стр. 267, § 5.3 — «Стих, как колон»).

по метру слог получает некоторую долю ударности, например: «Злость берет, сокрушает хандра...», где на первом неударном слоге первой стопы стоит явно ударное слово «злость» (подлежащее!). Обычно это бывает на первой стопе, однако это не правило. Эти замедлительные полуударения в общем основной схемы не касаются, они могут только разнообразить ее в оттенках. В силу этого мы в основных схемах (наиважнейших) вопроса о полуударениях не касаемся (это уже скорее частные вопросы ритма).

Три метрически значащих слова в стихе разделены «междусловесными промежутками», или «малыми паузами» по Андрею Белому,³ которые были затем переименованы Томашевским в *словоразделы*, этот термин привился (хотя пишущий эти строки предпочитает ему сокращенный термин *слоры*). Очевидно, что неударный интервал анапеста (два неударных слога от одного ударения до другого) допускает три «паузных формы» или три различных слора:

1) мужской слор: — | ∪ ∪ — (обозначаемый, по Белому, латинской буквой *a*);

2) женский слор: — ∪ | ∪ — (обозначаемый буквой *b*);

3) дактилический слор: — ∪ ∪ | — (обозначаемый буквой *c*).

Приведем примеры. Для слора *a*:

И вошел человек незнакомый...

Оба слора в этой строке Пушкина будут типа *a*, как ясно из схемы

∪ ∪ — | ∪ ∪ — | ∪ ∪ — ∪

Для слора *b*:

На кладбище приходит Стамати...

По схеме получаем:

∪ ∪ — ∪ | ∪ — ∪ | ∪ — ∪

т. е. оба слора в этой строке будут типа *b*. Наконец, для типа *c*:

Занесенная в озеро бурей...

По схеме —

∪ ∪ — ∪ ∪ | — ∪ ∪ | — ∪

т. е. оба слора этой строки будут типа *c*. Итак, слор *a* дает разрез между словами сразу после ударения, слор *b* — отступя на один слог после ударе-

³ Термины «междусловесный промежуток» и его «паузные формы» были введены основателем современного (нового, статистического) русского стиховедения поэтом-символистом Андреем Белым, которому и принадлежит честь открытия этого замечательного ритмического явления (Андрей Белый. Символизм. М., 1910, стр. 277—281, 403—404, 631 и др.). Белый не без основания считал свои изыскания работами по экспериментальной эстетике (см. его статью «Лирика и эксперимент» в книге «Символизм», стр. 254 и далее). Тонкое замечание о междусловесных промежутках сделал крупный лингвист Н. С. Трубецкой (Основы фонологии. Изд. иностр. литературы, М., 1960 (с послесловием А. А. Реформатского), стр. 61): «Русская метрика зиждется на закономерном чередовании ударных и неударных слогов... границы слова могут приходиться на любое место стиха, и постоянное нерегулярное перераспределение границ слова служит целям оживления и варьирования структуры стиха». Труды Белого, как известно, получили дальнейшее развитие в исследованиях Б. В. Томашевского. К проблеме междусловесных промежутков тесно примыкает вопрос о *заударной* части слова, строении ее, мягких различиях в ударениях и т. п. (ср. любопытное сообщение М. В. Панова в книге: Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова. Изд. «Наука», М., 1965, стр. 208—214). По вопросу о семантике слоров имеются пока еще только отрывочные, но зато чрезвычайно убедительные наблюдения, в частности замечательные наблюдения С. М. Бонди над стихами Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева. По-видимому, выразительная роль междусловесных промежутков и их вариаций очень велика. Одна из самых замечательных находок С. М. Бонди — песня Мери из «Пира во время чумы», которая делится на две части (описательную и как бы завещательную); первая построена на женской малой цезуре, вторая — на мужской.

ния, слор *c* — отступя на два слога после ударения. Именно Томашевский называл слор *a* — «мужским» слором, слор *b* — «женским», слор *c* — «дактилическим». Он вполне основательно утверждал, что слоры отчетливо различаются на слух.⁴

После этого уже нетрудно представить себе, как могут расположиться слоры в строке трехстопного анапеста, и составить схемы всех возможных *девяти форм* трехстопного анапеста. В табл. 1 приведены все девять схем, равно как и слоры, их определяющие.⁵

Т а б л и ц а 1

№ формы	Схемы	Слоры	
		на 2-й стопе	на 3-й стопе
I	◡◡— ◡◡— ◡◡—	<i>a</i>	<i>a</i>
II	◡◡— ◡◡—◡ ◡—	<i>a</i>	<i>b</i>
III	◡◡— ◡◡—◡◡ —	<i>a</i>	<i>c</i>
IV	◡◡—◡ ◡— ◡◡—	<i>b</i>	<i>a</i>
V	◡◡—◡ ◡—◡ ◡—	<i>b</i>	<i>b</i>
VI	◡◡—◡ ◡—◡◡ —	<i>b</i>	<i>c</i>
VII	◡◡—◡◡ — ◡◡—	<i>c</i>	<i>a</i>
VIII	◡◡—◡◡ —◡ ◡—	<i>c</i>	<i>b</i>
IX	◡◡—◡◡ —◡◡ —	<i>c</i>	<i>c</i>

Разумеется, слор всегда образуется двумя словами, но для того, чтобы определить его положение в стихе, мы относим его к той стопе, которую он разрезает,⁶ в некотором противоречии с традицией, которая выражение «на стопе» понимает как «после стопы» — ср. известное пушкинское замечание «Люблю цезуру на второй стопе», хотя, конечно, и здесь было бы правильнее сказать «после второй стопы»; в данном случае, правда, дело упрощается тем, что пушкинская цезура в пятистопном ямбе редко меняет свой слор, однако в нашем случае именно переменчивость слора и является наиважнейшей его особенностью.

Для того чтобы представить себе, каким образом русский стих пользуется этими девятью слоропорожденными формами анапеста, мы в табл. 2 приводим статистику этих форм. При этом обращаем внимание читателя на то, что эта статистика у нас дается по трем важнейшим разделам. Прежде всего представлен анапест классиков (Некрасов, Фет, Полонский и Блок, все вместе, без разбивки по краевулиям) — это основные данные по ритмической структуре русского анапеста в его наиболее употребительной, трехстопной форме (общая численность разобранных стихов — около шести тысяч). Затем приводятся данные по тем особому рода анапестам, которые встречаются в «Песнях западных славян» у Пушкина (разобрано около 300 стихов) и которые были названы пишущим эти строки *квазианапестами* по целому ряду причин. Как известно, «Песни» Пушкина написаны вольным трехударным (и троесловным) стихом, где нередко (около трети всех стихов) можно найти трехстопные анапесты (имеются случаи, отмеченные С. М. Бонди, когда встречается подряд до

⁴ «Чувство языкового ритма различает словоразделы» (Б. Томашевский. О стихе. Изд. «Прибой», 1929, стр. 271).

⁵ Приведем примеры (из Некрасова) на все наши девять форм: I — «Подари, говорю сапоги»; II — «На стекле надышала пятно»; III — «И детей раздирающий плач»; IV — «А рассыльный таскай шестьдесят»; V — «Понемногу сбывает вода»; VI — «Открывалась болотная гладь»; VII — «Любопытную жизнь бедняков»; VIII — «За пределами душных оград»; IX — «Поднимается серая пыль».

⁶ Точнее, к той стопе, которую разрезают слоры *b* и *c*.

семи строк метрического анапеста; ср. песню «Марко Якубович», строки с 18-й по 24-ю, начиная со строки: «Кажет Марке кровавую рану»; хореев сплошь бывает не меньше). Однако, как это ясно из той же табл. 2,

Т а б л и ц а 2

№ формы	«Классический» анапест	Квазианапесты «Песен западных славян»	Самородные анапесты
I	9,01 (5)	14,47 (7)	8,80 (5)
II	16,76 (7)	11,18 (5)	14,81 (7)
III	5,79 (3)	10,86 (4)	3,08 (1)
IV	17,44 (8)	22,70 (9)	18,33 (8)
V	21,52 (9)	13,81 (6)	28,30 (9)
VI	8,97 (4)	16,45 (8)	8,21 (4)
VII	3,24 (1)	0,66 (1)	3,67 (2)
VIII	13,25 (6)	4,28 (2)	10,12 (6)
IX	4,02 (2)	5,59 (3)	4,68 (3)

ритмическое строение (система слоров) этих анапестов весьма своеобразно — оно как бы приспособлено для того, чтоб эти анапесты было легко преобразовать в пятистопные хорее (которых в «Песнях» тоже около трети) или в паузники (гибриды анапеста и хорее — основных метров «Песен»). Наконец, мы приводим статистику искусственных, *самородных* трехстопных анапестов, полученных из случайных, взятых наудачу троесловных выборов (по три слова) из русской художественной прозы XIX столетия. Эти троесловия, опирающиеся на весьма обширный материал (тридцать тысяч слов русской первоклассной прозы),⁷ построены пишущим эти строки для изучения случайно образующихся в прозе словесных комбинаций, которые затем можно сравнивать с подлинными стихами. В результате было получено около семи с половиной тысяч таких троесловий, среди которых нашлось около семисот трехстопных анапестов. Приведем для примера несколько таких самородных анапестов:

- «Ему вспомнились эти рассказы» (Чехов)
- «Можно дать ему кость? — и когда» (Чехов)
- «Посмотреть, как придет пароход» (Чехов)
- «Вот наш домик... Зачем было мне» (Пушкин)
- «Да ведь бричка, шарманка и мертвые» (Гоголь)
- «Я расстался с ним в прошлом году» (Пушкин)
- «Князь подумал с минуту, однако» (Достоевский)
- «Он поспешно оделся, и как» (Толстой)
- «Да уж тут, брат, не нашего мнения» (Достоевский)
- «Вот как! милости просим, — сказал» (Толстой)⁸

Обилие самородных анапестов в прозе как бы подсказывает гипотезу о том, что стих словно «вылупился» из ритмической неопределенности прозы, а специально стихотворное его ритмическое обличье (структура слоров) не так далеко от самородных анапестов; следовательно, дело здесь в значительной степени в самом языке, но не в эстетических намерениях стихотворца (их впечатление лежит гораздо глубже). Отметим, однако, что среди троесловий количество хореев — около одной четверти случаев — гораздо ближе к «нормам» пушкинских «Песен», где их целая треть, чем те же отношения по части анапестов (в «Песнях» — треть, в троесло-

⁷ Пушкин, Тургенев, Толстой, Чехов.

⁸ Для наглядности мы приводим примеры самородных анапестов, которые в то же время представляют собой и *фразы*; читатель должен представлять себе, что при случайном отборе это совершенно не обязательно.

8 Русская литература, № 3, 1965 г.

виях — одна десятая).⁹ Трехсложные размеры вообще (по ритмическому словарю своему) гораздо дальше от прозы, чем двусложные.

Таким образом, в табл. 2 приводятся данные по встречаемости всех девяти форм трехстопного анапеста по трем важнейшим его категориям. Отметим, что по каждой из этих трех категорий указываются два числа: первое представляет собой численность (число случаев, частота, встречаемость) в %, второе (в скобках) — номер (или ранг) по порядку данной численности, если все их подобрать от наименьшего, который обозначается цифрой 1, до наибольшего, обозначенного цифрой 9.

Из табл. 2, кстати сказать, ясно, насколько близко общее строение (по слогам) анапестов «классических» и самородных, а с другой стороны, как своеобразно все строение системы слоров в «Песнях западных славян», из-за чего и необходимо их выделять из анапестов вообще.¹⁰

2

Теперь, располагая достаточными данными по строению русского трехстопного анапеста, мы попробуем на этих данных проверить справедливость утверждений Ю. Н. Тынянова. По первой из наших таблиц мы видим, что самое малое слово, которое может войти в анапест, имеет один слог, самое большое — пять. Кроме того, в стихе вообще должно быть *три* слова, следовательно — соотношения меж длинами слов должны быть вполне определенными, а иначе получается ускорение — трибрахий, как например в некрасовских строках:

Появляется кордебалет...
Наезжали к нам славянофилы...
И родню свою длиннобородую...
Русокудрая, голубоокая... и т. п.

со схемой

○ ○ — ○ ○ ○ — (○ ○)

где на шестом слоге от начала стоит полуударение (метрическое ударение, не подкрепленное словесным). Эти строки до нашего века почти не употреблялись, и мы их в расчет сейчас принимать не имеем оснований.

Теперь рассмотрим, как связаны друг с другом первое и второе слово, которые в стихе стоят рядом. Для этого составим комбинационную таблицу (табл. 3), в которой мы сопоставим встречаемость слов с определенным числом слогов, с одной стороны, в первом слове (величину признака¹¹ мы расположим по *столбцам* нашей таблицы), а с другой — во втором слове (и величину признака мы расположим по *строкам* таблицы). Там,

⁹ Возможно, что в силу этого имеются некоторые основания полагать, что квазианапесты так или иначе привлекали внимание автора «Песен». В троесловных стихах у Кириши Данилова (разобрано около двух тысяч таких стихов) квазианапесты занимают менее одной пятой, хорей в общем около четверти.

¹⁰ Сопоставление табл. 1 и 2 сперва может показаться странным: в самом деле, почему же стих пользуется не всеми формами анапеста в равной мере, причем частота наиболее употребительной формы стиха превышает частоту наименее употребительной более чем в шесть с половиной раз (по «классическому» случаю)? Но надобно отчетливо представлять себе, что табл. 1 дает нам «метрическое задание» стиха, которое само по себе никакого отношения к *языку* не имеет, тогда как табл. 2 показывает нам уже результаты, которые получались на практике, когда это метрическое задание предлагалось русскому языку. Вопрос может быть подвергнут дальнейшему изучению, и таковое показывает, что в анапесте метрическое задание является для стиха более важным, чем обычные нормы художественной прозы, тогда как для двусложного метра эти влияния примерно равносильны. Это значит, что метрическое задание анапеста для русского языка как бы *труднее*, чем задание двусложного метра. В анапесте, так сказать, метр подчиняет себе язык, тогда как в ямбе метр и язык участвуют на равных правах.

¹¹ В статистике мы всегда рассматриваем тот или иной объект с точки зрения величины некоторого его признака; в данном случае признаком слова будет число слогов в нем. Величина признака нередко называется еще *вариантой* признака или просто вариантой.

где перекрещиваются столбец и строка, находится отдельная *ячейка* таблицы (клеточка), и в ней-то мы и поставим в дальнейшем (табл. 4) число случаев (численность), когда такой-то длины первое слово встречалось в строке анапеста рядом со вторым словом определенной длины. При этом следует помнить, что первое слово имеет от 3 до 5 слогов, а второе от 1 до 5 (см. табл. 1).

Для того чтобы ввести читателя в устройство этой не очень сложной, но в высшей степени полезной таблицы, мы сперва расставим по ее ячейкам обозначенные римскими цифрами номера выведенных нами форм анапеста (см. табл. 1). Каждая из девяти форм характеризуется определенной длиной двух первых слов (т. е. двумя числами!), и поэтому ее легко поместить в комбинационную таблицу, руководствуясь величиной признака (число слогов) в первом и во втором слове. Чтобы приучиться к этой расстановке, читатель должен удостовериться, справляясь с нашей первой таблицей, что римские номера форм расставлены *правильно*. Пока наш благосклонный читатель не удостоверится относительно каждого из этих номеров, что тот в таблице стоит на своем месте, он еще не может быть уверен, что усвоил принцип таблицы с двумя признаками. Это все довольно просто, но надо привыкнуть.

Таблица 3

Схема комбинационной таблицы форм анапеста по числу слогов первого и второго слова в стихе

Число слогов первого слова \ Число слогов второго слова	3	4	5	Сумма
5	III			
4	II	VI		
3	I	V	IX	
2		IV	VIII	
1			VII	
Сумма				

Графы сумм пока у нас остаются не заполненными, их очередь придет в следующей таблице. Итак, надеемся, что внимательный читатель уже заметил, что эта таблица представляет собой не более как переписанную иначе табл. 1 в том, что касается двух первых слов в стихе. Такую же таблицу мы можем построить еще для второго и третьего слова, а также для первого и третьего. Настоятельно советуем читателю испробовать и построить такие таблицы собственными силами.

Отметим, что число ячеек в табл. 3 равно 15, а заполнены только 9. Пустые ячейки означают, что в анапесте не встречается таких случаев, когда бы первое слово имело, например, пять слогов, а второе четыре слога — такие случаи в метрическом анапесте (без ускорений) невозможны, и их *не бывает*. Шесть пустых ячеек и относятся к подобным случаям (проверьте!).

Теперь укажем, что наша комбинационная таблица относится, как и многие другие статистические орудия, к *распределению* (так называемый *дистрибутивный анализ*) численностей, т. е. встречаемостей. Однако она сложнее обычной кривой распределения,¹² с помощью которой изучается, например, распределение солдат по росту и т. п. Ибо по-

¹² Кривая распределения численностей представляет собой диаграмму, по горизонтали которой отмечены изменения изучаемого признака, а по вертикали — отложено *число случаев* с данной величиной признака.

следняя относится к распределению по *одному* признаку (росту), тогда как наша комбинационная таблица изучает распределения *по двум* признакам (число слогов первого слова и число слогов второго слова), иначе говоря — по двум переменным (ибо оба признака у нас меняются). Определение некоторого предмета по двум признакам — вещь вполне обычная и уже прочно вошедшая в быт: например, в магазине готового платья надо указать два признака пальто — его номер (т. е. ширину вашей грудной клетки) и ваш рост. Естественно, что эти признаки связаны друг с другом, т. е. у рослых людей и грудная клетка шире: математик говорит, что эти признаки зависят друг от друга, они коррелированы.

Отметим, что немедленно сейчас же после размещения в ячейках таблицы наших девяти форм мы замечаем, что эти номера ложатся на плоскости таблицы не случайным и беспорядочным образом, кое-как и вперемешку, но напротив, они идут в очень стройном порядке. Читателю должно быть ясно, что порядок этот *образуется метром* (размером) стиха и что это и есть та самая канва, по которой стихотворец и его родной язык вышивают узоры настоящей поэзии. Ясно, что между длиной (числом слогов) первого и второго слова существует определенная и довольно *жесткая связь*.¹³ Читатель не должен пренебрегать этими очень простыми соображениями, которые как бы пересказывают заново вещи, давно ему известные, ибо они здесь пересказываются аналитически и в таком логическом порядке, который как бы обнажает самые основания этого дела.

3

После всех этих неизбежных разъяснений приступим, наконец, к настоящему составлению комбинационной (она же корреляционная) таблицы сначала для «классического» анапеста. Для этого мы должны заменить в табл. 3 римские номера анапестических форм теми их численностями (в %), которые приведены во второй графе табл. 2. В ячейках табл. 4 у нас стоят проценты (с двумя десятичными знаками), хотя

Таблица 4

Корреляционная (комбинационная) таблица длины слов
для первого и второго слова трехстопного
«классического» анапеста (в %)

Число слогов первого слова \ Число слогов второго слова	3	4	5	Сумма
5	5,79			5,79
4	16,76	8,97		25,73
3	9,01	21,52	4,02	34,55
2		17,44	13,25	30,69
1			3,24	3,24
Сумма	31,56	47,93	20,51	100,00

обычно так не поступают, и у нас это сделано исключительно ради того, что проценты для филолога — вещь более привычная. . .

Следующая наша таблица (табл. 5) имеет несколько необычный вид, но мы надеемся, что наш читатель отнесется к этому снисходи-

¹³ Математики-вероятностники в этих случаях нередко говорят — «очень тесная связь».

Таблица 5

Корреляционная (комбинационная) таблица длины слов
для первого и второго слова квазианapestы
из «Песен западных славян» (в %)

Число слогов второго слова \ Число слогов пер- вого слова	3	4	5	Сумма
5				10,86
4				27,63
3				33,87
2				26,98
1				0,66
Сумма	36,51	52,96	10,53	100,00

тельно... Она повторяет табл. 4, но не по «классическому» анапесту, а по квазианapestам «Песен западных славян» (см. табл. 2, графа 4-я), причем ячейки таблицы не заполнены, а даны (для контроля) только суммарные числа; если читатель заинтересуется этим полезнейшим способом анализа, то он может сам заполнить ячейки (клеточки) таблицы, руководствуясь табл. 2, 3 и 4.

Вернемся к табл. 4. Теперь перед нами картина того, что происходит на самом деле, когда метр встречается с живой речью. Начнем рассмотрение таблицы с итоговых полос. По суммам столбцов (нижняя горизонтальная строка) мы видим, что числа сумм по различным длинам слов (3, 4 и 5 слогов) неравны друг другу; наиболее употребительно слово в 4 слога,¹⁴ наименее — слово в 5 слогов. Распределение несимметрично, у него относительно моды (т. е. наибольшего числа случаев; в данном случае это — 47,93) имеется сдвиг в левую сторону, ибо 31,56 больше, чем 20,51. Метр этого от стиха не требует; стих сам рождает это своеобразие. Откуда оно берется? По-видимому, этого требует сам язык, предпочитающий четырехсложные слова и трехсложным и (тем паче) пятисложным.

Суммы строк (правый вертикальный столбец) показывают нам распределение второго слова по длине. Отметим, что ранее всего мы замечаем, что *изменчивость* второго слова (его вариабельность) шире изменчивости первого слова; для первого у нас было три варианты (3, 4 и 5), для второго — целых пять. Отсюда уже можно вывести замечание: в трехстопном анапесте изменчивость второго слова больше, нежели первого, т. е. первое более *устойчиво*. Снова в середине нашего распределения есть наибольшее число (34,55) и снова распределение не симмет-

¹⁴ Напомним кстати: замедления в расчет не принимаются! Читатель должен еще иметь в виду, что корреляционная таблица (общее: корреляционное поле) в наиважнейшем своем образе имеет вполне определенное строение, которое определяется колоколообразным строением двух (суммарных) кривых распределения (так называемая «нормальная поверхность распределения двух переменных»); эта важная подробность строения поверхности распределения вносится в наши таблицы именно *языком*, ибо *метр* (размер), как это явствует из табл. 3, сам по себе предполагает равновероятное распределение (все формы одинаково вероятны!); язык же вносит в стих *естественную тенденцию* всякого эмпирического распределения тесно и определенно группироваться около своего центра (средней) — эта оживляющая свежесть *живого* языка, надо иметь в виду, *усиливает корреляцию*. Значит, метр только предполагает неизбежность корреляции, а стихотворец вносит сюда живой дух языка, который и скрепляет своей могучей организующей силой задание метра с живой художественной речью. Все это, разумеется, не так сложно, по желательнее, чтобы исследователь относился к этому сознательно.

рично, причем эта асимметрия сложнее того, что мы ранее наблюдали: мало того, что число 30,69 больше 25,73, но и число 3,24 меньше числа 5,79. Мы видим, что, начиная снизу, кривая распределения растет энергично и круто, но, перевалив через максимум (моду), кривая опускается более медленным темпом. Мы замечаем, что язык заставляет стихотворца чаще всего брать на втором месте трехсложное слово и (почти наравне с ним) двухсложное. Если бы все формы употреблялись равновероятно, то на каждую варианту второго слова приходилось бы аккуратно по 20,00, однако язык вносит сюда свои решительные коррективы, а на слиянии обычаев языка и требований метра и строится стих. Но действительно ли это — требования языка? Не является ли это отражением творческой индивидуальности четырех наших славных стихотворцев — Некрасова, Фета, Полонского и Блока? Разумеется — нет! Ибо если мы возьмем не вторую графу из табл. 2, но шестую, т. е. численности самородных анапестов из троесловий, то мы получим примерно такое же (т. е. очень похожее — проверьте!) распределение, откуда мы вправе вывести, что это наблюдение связано именно с *языком* художественной словесности. Читатель вправе спросить нас: а откуда мы знаем, что эти распределения похожи одно на другое? Но если обратиться к табл. 2 и сравнить так называемые ранги численностей (т. е. приведенные в скобках их порядковые номера по величине, начиная с наименьшего, равного 1) в графе второй и третьей, то мы заметим, что ранги «классического» анапеста и самородных анапестов расходятся только в трех случаях (для самых редких форм III, VII и IX) и притом расходятся очень незначительно, но ведь *вдобавок* и *вес* (доля) этих трех форм очень невелик, он всего-навсего равен 13,05% для «классического» случая и 11,43% для самородных анапестов. Так как никакой «творческой энергии» стихотворного направления в самородных анапестах не имеется, то ясно, что наше наблюдение относится главным образом к языку.

4

После общего рассмотрения суммарных строк мы можем еще вывести статистические сводные характеристики наших двух распределений, т. е. среднюю арифметическую и показатель колеблемости. Начнем со средней для первого слова. В приводимой ниже табличке в первом столбце представлено число слогов (варианты), во втором — вес (число случаев, в %), в третьем — общее число слогов (произведение двух первых столбцов):

$$\begin{array}{r}
 3 \cdot 31,56 = 94,68 \\
 4 \cdot 47,93 = 191,72 \\
 5 \cdot 20,51 = 102,54 \\
 \hline
 \text{Сумма} = 388,95 \\
 \text{Средняя} = 3,8895 \text{ слога}
 \end{array}$$

Величина эта, разумеется, очень близка к четырем. Итак, для вычисления средней мы перемножаем величины признака на численности (т. е. вес каждого признака), складываем эти произведения и делим на общее число случаев (которое нередко статистик называет совокупностью), равное 100%. Прделаем то же самое для второго слова:

$$\begin{array}{r}
 1 \cdot 3,24 = 3,24 \\
 2 \cdot 30,69 = 61,38 \\
 3 \cdot 34,55 = 103,65 \\
 4 \cdot 25,73 = 102,92 \\
 5 \cdot 5,70 = 28,95 \\
 \hline
 \text{Сумма} = 300,14 \\
 \text{Средняя} = 3,0014
 \end{array}$$

Отсюда ясно, что в среднем второе слово на целый слог меньше первого.¹⁵

Переходим к определению *колеблемости*, второго важнейшего показателя кривой распределения одной переменной. Дело в том, что одна средняя арифметическая еще недостаточна для характеристики кривой распределения. Обычный пример — это две точки на земном шаре с одинаковой средней годовой температурой. При этом одна точка лежит в океане на острове, другая — в пустыне, в глубине материка. Ясно, что на острове царствует мягкий, почти не изменяющийся климат, в пустыне, напротив, наблюдаются крайне резкие изменения температуры. Для острова средняя вполне представительна, ибо отклонения от нее невелики, но для континента средняя представляет весьма умеренный интерес, ибо колебания велики, разнообразны и малорегулярны. Именно эти-то *отклонения от средней* в виде обобщенного показателя и рассматриваются при изучении колеблемости. С этой целью берутся разности меж вариантами и средней (сумма которых, очевидно, будет равна нулю... проверьте!), затем, дабы избавиться от знака отклонения (выше средней или ниже ее?), мы возводим каждое такое отклонение в квадрат. Эти квадраты умножаются на веса (численности вариант), произведения суммируются, из них снова выводится средняя, а из нее

Таблица 6

Варианты	Средняя арифметическая	Разность между вариантой и средней (отклонения от средней)
3	3,8895	-0,8895
4	3,8895	+0,1105
5	3,8895	+1,1105

Таблица 7

Отклонения от средней	Вес, в %	Произведение отклонений на вес
-0,8895	31,56	-28,072620
+0,1105	47,93	+ 5,296265
+1,1105	20,51	+22,776355
Сумма ..		0

извлекается квадратный корень; этот показатель называется средним квадратическим отклонением, стандартным показателем,¹⁶ и обычно статистики его обозначают строчной греческой буквой «сигма». Вычислим сигму для распределения второго слова (табл. 6).

Сумма этих разностей, умноженных на вес, должна равняться нулю (табл. 7).

Идем далее: возводим каждое из этих отклонений в квадрат, умножаем на вес и складываем все эти произведения:

$$\begin{aligned} 0,79121025 \cdot 31,56 &= 24,9705954900 \\ 0,01221025 \cdot 47,93 &= 0,5852372825 \\ 1,23321025 \cdot 20,51 &= 25,2931422275 \end{aligned}$$

$$\text{Сумма} = 55,3489750000, \text{ откуда сигма} = \sqrt{0,553...} \text{ или } 0,777$$

Таким образом, в среднем отклонения от средней выражаются в три четверти слога в ту и другую сторону. Протредаем теперь то же самое для второго слова (табл. 8).

¹⁵ Если мы протредаем те же самые вычисления для самородных анапестов и квазианапестов «Песен западных славян», получим для первого слова в среднем число слогов 3,9178 и 3,7402, для второго — 2,9339 и 3,2105.

¹⁶ Квадратическое отклонение существенно связано со средней арифметической по следующей важной причине: если взять ряд чисел, вывести его среднюю арифметическую, а затем взять отклонения-разности каждого члена ряда от этой средней, то сумма квадратов этих отклонений-разностей будет наименьшей по

Т а б л и ц а 8

Варианты	Средняя арифметическая	Разность между вариантой и средней (отклонения от средней)	Квадрат разности	Вес, в %	Произведение отклонений на вес
1	3,0014	-2,0014	4,056	3,24	13,14144
2	3,0014	-1,0014	1,003	30,69	31,70277
3	3,0014	-0,0014	Около нуля	34,55	0
4	3,0014	+0,9986	0,997	95,73	25,65281
5	3,0014	+1,9986	3,994	5,79	23,12526
				Сумма . . .	93.62228

В результате получим сигму $\sqrt{0,936\dots}$ или 0,968. Колеблемость второго слова почти в полтора раза больше сигмы первого слова. Второй раз мы вели вычисления с ограниченным числом знаков (как обычно и делается); в первом случае вычисления были произведены с большим числом знаков только для наглядности (дабы читателю легче было следить), а вообще большого числа знаков здесь не требуется.

Итак, при рассмотрении первых двух слов стихотворной строки мы замечаем, что второе слово в трехстопном анапесте обладает по сравнению с первым словом: 1) большей вариабельностью, 2) меньшей средней длиной и 3) большей колеблемостью; в общем второе слово анапестической строки менее устойчиво и в силу этого, вероятно, не столь и выразительно.

5

Теперь, когда мы охарактеризовали оба наши распределения, мы можем приступить к анализу самого распределения двух переменных, т. е. того, что находится внутри нашей таблицы.

Уже с первого взгляда можно заметить, что столбики чисел, которые находятся в столбцах (табл. 4), ведут себя вполне определенным образом: *по мере роста числа слогов в первом слове эти столбики регулярно опускаются вниз*. Что это обозначает? Это можно выяснить, вычислив так называемые строевые средние, т. е. средние по каждому столбцу.¹⁷ Сделаем это в табл. 9.

Теперь нам ясно, как *в общем и среднем* отвечает второе слово, когда первое слово увеличивается на один слог. С каждым увеличением первого слова (на один слог) второе тоже понижается приблизительно на один слог. Если первое слово удлиняется, то это ведет неуклонно к тому, что второе слово укорачивается, и наоборот. Это изменение не совсем равномерно, конечно, но оно вполне регулярно и его можно *в общем* считать равномерным. Это и есть та самая закономерность, которая связывает между собой первое и второе слово в трехстопном анапесте. Явление такой не совершенно точной связи называется *коррелятивной связью* (в отличие от связи функциональной, жесткой, какова связь площади квадрата с его стороной). Ряд средних строевых (т. е. средних по столбцам) называется *линией регрессии*.

сравнению с суммой квадратов отклонений от любой иной величины, кроме средней арифметической. Таким образом, эти два показателя неразрывно связаны друг с другом.

¹⁷ Строки и столбцы корреляционной таблицы называются *строями*.

Таблица 9

Столбец слова в 3 слога	Столбец слова в 4 слога	Столбец слова в 5 слогов
5 · 5,79 = 28,95	4 · 8,97 = 35,88	3 · 4,02 = 12,06
4 · 16,76 = 67,04	3 · 21,52 = 64,56	2 · 13,25 = 26,50
3 · 9,01 = 27,03	2 · 17,44 = 34,88	1 · 3,24 = 3,24
Суммы 123,02	135,32	41,80
Веса 31,56	47,93	20,51
Средние по столбцам . . . 3,898	2,823	2,038

Теперь нам нужно найти ответ еще на один, последний вопрос: действительно ли мы имеем возможность утверждать, что эти изменения в линии регрессии не являются просто делом случая? Как оценить наблюдаемую связь? Для этого существует особый показатель — коэффициент корреляции, который в данном случае будет равен — 0,7, что, грубо говоря, значит, что примерно в 70% случаев эта связь несомненна (этот коэффициент изменяется от —1,0 до +1,0) и никаких подозрений о случайности быть не может.¹⁸

Чтобы читатель мог освоиться с понятием корреляции, мы приведем здесь в самом элементарном виде изложение общих принципов, на которых строится коэффициент корреляции. О существовании связи (взаимной зависимости) между двумя данными эмпирическими рядами мы судим по согласованности их колебаний (так называемые конкомитантные колебания). Если в одних и тех же случаях оба ряда согласны и систематически поднимаются, то мы заключаем, что между ними существует положительная связь, если же они подобным же образом систематически расходятся — что существует отрицательная связь. Тут имеются тонкости в сущности двух основных родов: 1) оба ряда могут быть не связаны, но одновременно находиться под действием третьей неучтенной мощной причины, 2) самая форма зависимости может быть более сложной, чем простая согласованность (так связь урожая с осадками до определенного пункта положительна, а за ним — отрицательна, дожди уже «заливают» хлеба), но эти обстоятельства мы в наших объяснениях пока можем опустить.

При изучении согласованности колебаний мы можем спокойно внести два очевидных упрощения:

1) поскольку нам важна только согласованность самих колебаний, мы можем не считаться с тем, на каком уровне эти колебания происходят (т. е. не считаться с различием средних), а если так, то мы можем вместо эмпирических данных наших двух рядов брать их отклонения от средней (разности, которыми мы уже пользовались);

¹⁸ Более подробные пояснения читатель может почерпнуть из небольшой и вполне компетентной книжки А. К. Митропольского «Элементы математической статистики» (Л., 1965), где имеется обширная библиография (обратите внимание на диаграмму корреляционного поля на стр. 19). Можно рекомендовать читателю другую книгу того же автора (одного из старейших наших статистиков-теоретиков): А. К. Митропольский. Техника статистических вычислений. Физматгиз, М., 1961, где на стр. 129—131 приводятся примеры корреляционных таблиц с различной степенью тесноты связи (коэффициент корреляции меняется от 0 до 1) и многочисленные образцы графиков кривых распределения численностей, а на стр. 372, 377 и 382 даны изображения корреляционных поверхностей распределения. Для изучения математической статистики можно указать книги: Д. Э. Юл и М. Д. Кендэл. Теория статистики. Госстатиздат, М., 1960 (учебник, выдержавший в Англии четырнадцать изданий); а также: Ф. Миллс. Статистические методы. Госстатиздат, М., 1958 (в переводе книги Миллса пишущий эти строки принимал участие).

2) исходя из тех же соображений, мы можем тем же порядком пренебречь и *размахом* колебаний, но коли так, то мы имеем возможность брать наши отклонения от средней в виде частных (отношений) от деления на сигму (показатель колеблемости).

После этих преобразований у каждого из наших рядов средняя будет равна нулю, а сигма — единице. Будем называть наши эмпирические данные прописными буквами: первую переменную — буквой X и вторую — буквой Y . Отклонения от средней обозначим строчными буквами x и y . Отклонения же, деленные на соответственные сигмы (нормированные данные), мы будем обозначать x' и y' . Итак, получаем:

$$x = X - \bar{x}; y = Y - \bar{y},$$

где \bar{x} и \bar{y} «с крышечкой» суть средние арифметические рядов. И далее:

$$x' = \frac{X - \bar{x}}{\sigma_x} = \frac{x}{\sigma_x}; y' = \frac{Y - \bar{y}}{\sigma_y} = \frac{y}{\sigma_y}.$$

Если теперь мы перемножим соответствующие x' и y' на протяжении всех членов, просуммируем их, а затем возьмем их среднюю (т. е. разделим полученную сумму на число членов), то мы и получим искомый показатель — *коэффициент корреляции*. Ясно, что пока нам встречаются члены с одинаковыми знаками, наша сумма растет, ибо произведение алгебраических величин с одинаковыми знаками положительно. Если же постоянно встречаются члены с разными знаками, то растет отрицательная сумма. Если же все идет беспорядочно, то в конце концов положительные члены будут погашены отрицательными и сумма произведений будет близка к нулю. Итак, коэффициент корреляции будет:

$$r_{xy} = \frac{1}{n} \sum x'y',$$

где r — обычное обозначение этого коэффициента, n — число случаев, прописная сигма — знак суммирования всех попарных произведений.¹⁹

6

Теперь анализ наш закончен. И мы можем с полной уверенностью ответить, существует ли явление, отмеченное Тыняновым, и если да, то что обозначает введенное замечательной артистической интуицией этого исследователя понятие *тесноты* стихового ряда (т. е. стихотворной строки).

Во-первых, совершенно ясно, что явление, найденное Тыняновым, действительно существует.

Во-вторых, под *теснотой Тынянова* (которую Тынянов не без оснований называет даже «законом стиха»; см. его работу «Проблема стихотворного языка», стр. 87) надлежит понимать внутрискловую корреляцию соседних слов, отличающуюся высокой напряженностью и не позволяющую распоряжаться по своему усмотрению каким-нибудь одним словом, ибо выбранная величина одного слова кладет немедленно мощные ограничения длине следующего. Слова в стихе связаны одно с другим по соседству: первое со вторым, затем второе с третьим; однако первое с третьим почти не связано. Впрочем, первое и третье слово сами по себе связаны с характером зачина и с краевзвучием²⁰ — следовательно, вся стихотворная строка представляет собой очень твердо определенный

¹⁹ О вычислениях коэффициента корреляции см. в указанных выше учебниках.

²⁰ Тынянов справедливо отмечал значение границ стихотворной строки (см.: Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка, стр. 91).

целостный организм, где все стоит в ряд, неизбежно, плечом к плечу, в великолепной и стройной поэтической *тесноте*.

В настоящее время в связи с усилением аналитического аппарата статистических методов надо иметь в виду, что если в самом начале статистических исследований стиха главное значение имели простые подсчеты, то ныне отнюдь не менее важное место занимают *аналитические выводы* из этих подсчетов, которые способны обнажать подлинные корни наблюдаемых в стихе явлений.

Когда мы изучаем трехсложные размеры (как анапест, которым мы здесь и занимались), то в общем корреляции между первым и вторым словом, а также между вторым и третьим довольно близки друг к другу, так что второе слово более или менее одинаково зависит как от зачина, так и от краезвучия (клаузулы). Положение меняется, когда сам размер становится не совсем симметричным. Если взять не метрические квази-анапесты из «Песен западных славян», но паузники-гибриды оттуда же, то можно заметить, что корреляция в тех случаях более высока, когда сама стопа, которую делит слор, больше. Если вторая стопа четырехсложна, а третья — двусложна, то корреляция выше между первым и вторым словом; если же вторая стопа двусложна, а третья четырехсложна, то выше будет корреляция между вторым и третьим словом. Переноса эти соображения на троесловные строки четырехстопного ямба, можно заключить, что пушкинская реформа усилила значение краезвучия (а стало быть, и рифмы), тогда как державинский величественный стих был все же несколько прозаичнее (можно доказать, что в троесловных для общей структуры слоров зачин имеет большее значение, нежели краезвучие).

Будем надеяться, что тема настоящего сообщения не покажется читателям лишенной известного интереса, а краткое, примерное изложение начатков методики математической статистики окажется полезным при изучении других работ с той же методикой. Читатель сам может легко себе представить, насколько расширятся возможности анализа при овладении такого рода довольно точными способами.

7

Заканчивая на этом изложение нашей основной темы, мы попросим теперь у читателя разрешения обратиться вкратце к общим вопросам развития стиховедческой науки в СССР в наши дни.

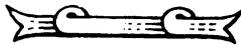
Читателю, разумеется, неизвестно, что в Советском Союзе за последние годы сильно оживилась работа по стиховедению, и ныне уже можно указать на некоторые бесспорные завоевания в этой области. Начало русскому стиховедению было, как известно, положено (в начале нашего века) трудами Андрея Белого и Б. В. Томашевского: это были статистические работы по исследованию *ударности* (или ударного ритма) русского силлабо-тонического стиха. Белый и Томашевский занимались преимущественно двусложными размерами (ямб и хорей). Ныне, в 60-е годы, в связи с работами по теории стиха крупнейшего специалиста по теории вероятностей (и по математической статистике — ответвлению теории вероятностей) акад. А. Н. Колмогорова появился ряд исследований, посвященных другим важным размерам, применение которых особенно возросло в советский период. Это трехсложные (метрически правильные) размеры и многочисленные их разновидности (неточного слогового состава, т. е. с ослабленной силлабикой, а также ослабленной метрикой), которые можно кратко охарактеризовать, сказав, что они относятся к наиболее доступным для исследования формам русского «свободного стиха». Таковы русские паузники («дольники» — по переименованию Брюсова), вольный стих пушкинских «Песен западных

славян» и тот свободный стих, которым писал Владимир Маяковский. Эти работы принадлежат А. Н. Колмогорову,²¹ А. В. Прохорову, М. Л. Гаспарову,²² пишущему эти строки²³ и некоторым другим лицам. Ныне можно сказать, что в основе своей русский свободный стих изучен, причем исследования велись на методологически гораздо более высоком логико-математическом уровне, чем в более ранних работах. Не обследован пока еще 1) русский народно-былинный стих, 2) стих, приближающийся к стилю «раешника» («Балда»), и 3) совершенно безразмерный стих типа отдельных произведений Фета, Блока и Кузмина («Александрийские песни»). Но после преодоления таких труднейших стиховедческих загадок, как паузник, стих «Песен западных славян» и стих Маяковского, решение этих последних важнейших вопросов уже не за горами. А вслед за этим общая теория русского стиха будет уже опираться на нечто значительно более солидное, чем это было в 30-х годах нашего века. Очень важно, что вся методология исследований приобрела сколь возможно строгий, последовательный и отчетливый характер, а в связи с этим и выводы стали действительно доказательными. Существенно, с другой стороны, что общая установка Белого и Томашевского, рассматривавших русский стих как стих ударный по преимуществу, осталась в силе, так что новые исследования идут в русле старой традиции. В общем можно сказать, что вся наша наука о стихе испытала за последние годы коренную перестройку; разрозненные усилия начала века сменились рядом более планомерных начинаний.

Особняком стоят исключительно любопытные, вполне новаторские работы по статистическому исследованию синтаксиса (главным образом по вопросу о длине предложения) и грамматики русской художественной прозы XIX века, в течение последних лет публикуемые Г. А. Лесским в журнале «Вопросы языкознания».

Невозможно, сверх того, обойти молчанием совершенно особые по своему значению стиховедческие труды С. М. Бонди, к сожалению все еще не опубликованные и излагаемые нашим замечательным ученым исключительно в виде лекций в Московском университете. Необычайно ценные, совершенно оригинальные достижения С. М. Бонди по части исследований *выразительного элемента* в стихе в будущем несомненно послужат основанием для целой новой дисциплины в стиховедении.

Все это вместе взятое заставляет нас обратиться к широкому советскому читателю с настоятельным и дружеским призывом — обратить внимание на новое, широкое и многообещающее движение в советском стиховедении.

²¹ Ряд статей в журнале «Вопросы языкознания»; целый ряд принципиально важных докладов на специальных съездах, в специальных институтах и университетах, благодаря которым внимание общественности было снова привлечено к статистическому анализу стиха, что с большим интересом отмечалось и за рубежом. Заметим в частности, что А. Н. Колмогоров весьма высоко оценил труды Б. В. Томашевского, впервые применившего теорию вероятностей к изучению стиха, и внес в предложенную Томашевским методологию исключительно важные и плодотворные поправки.

²² См.: «Теория вероятностей и ее применения», 1963, № 1; «Вопросы языкознания», 1965, № 3.

²³ Который обязан акад. А. Н. Колмогорову целым рядом исключительно важных критических указаний.